

КАТОЛИК ЛУИ КАРАВАК: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОСТИ ХУДОЖНИКА ЭПОХИ РОКОКО*

Ю. С. Андреева

В статье исследуются религиозные параметры личности и церковная сторона биографии живописца Луи Каравака, одного из самых известных представителей россики XVIII в. Для решения задач по реконструкции религиозного облика Каравака автор использует метод комплексного анализа структурных компонентов религиозности, трактуемой в качестве системы активных взаимосвязей человека с социумом. На архивных материалах в статье анализируются взаимосвязи Каравака с римско-католическим приходом в Санкт-Петербурге, дается характеристика его социально-психологических качеств, вводятся в оборот новые биографические данные. Автор делает вывод о том, что Каравак не проявлял большой заинтересованности в обрядовых формах религии. В религиозности живописца ярко проявились когнитивный и идентификационный компоненты, однако оказалась слабо выраженной поведенческая составляющая. Характер религиозности Каравака определен как внешний, поверхностный, почти исключающий возможность сильного эмоционального потрясения от богослужения и таинств, подразумевающий господство мирского над сакральным. Автор полагает, что религиозность Каравака выражает суть секуляризационных процессов, свойственных европейской цивилизации, и ставит вопрос о том, какую роль религиозная позиция художника сыграла в обмирщении русской культуры XVIII столетия.

Ключевые слова: Людовик Каравак, католики в России, искусство XVIII в., религия в искусстве, секуляризация искусства и культуры.

Имя Луи (Людовика) Каравака, живописца французского происхождения, работавшего при русском дворе в первой половине XVIII столетия, знакомо каждому, кто касался проблематики развития отечественной художественной культуры при Петре Великом и его преемниках. Вместе с тем, несмотря на частое упоминание имени Каравака в обзорных трудах по истории русского искусства [26, с. 118; 27, с. 158—163; 31, с. 118—119; 52, с. 249], специальных биографических работ, посвященных художнику, очень мало. К таковым можно отнести несколько статей и заметок конца XIX — начала XX вв., сведения из которых ныне не могут быть признаны исчерпывающими для характеристики жизни и творчества живописца [21, с. 323—332; 45, с. 703—704; 46, с. 479—480; 47, с. 138—148]. Их авторы, равно как и более поздние исследователи, не упоминают о том факте, что Каравак принимал участие в жизнедеятельности петербургского католического прихода в качестве церковного старосты. Церковная сторона биографии художника вместе с религиозными параметрами его личности остается совершенно неизученной, несмотря на то, что она ближе всего позволяет подойти к пониманию творческой психологии мастера. Известно, что работы Каравака знаменуют собой укоренение в России «галантной» живописи, сугубо светской по своему содержанию, и именно исследование религиозной позиции художника дает возможность обозначить границы и выявить природу секулярного начала в его творчестве.

Религиозность как социально-психологическое свойство личности современными учеными обычно исследуется путем анализа ряда признаков социаль-

ного поведения, устанавливаемых эмпирическим путем. Используются социологические методы (опрос и наблюдение), с помощью которых удается определить параметры культового и внекультового поведения личности [33, с. 226], а также применяются методы психологии, выявляющие способности субъекта к эмоциональным переживаниям религиозного порядка [20, с. 163—169]. Исследование религиозности исторических деятелей представляет собой особую проблему, поскольку для решения своих задач психологические методы историк применять не может, не имея перед собой субъекта как такового, а социологические методы вынужден задействовать спорадически, от случая к случаю, насколько это позволяют сделать источники. И все же, за неимением других методов, историку не остается ничего другого как воспользоваться методологическими средствами социологии религии, рассматривающей религиозность преимущественно как способ социальной самоидентификации и социальной адаптации. Наиболее эффективным в плане исторического исследования представляется метод комплексного анализа структурных компонентов религиозности, трактуемой в качестве системы взаимосвязей человека с социумом, посредством которых «объективируется религиозная вера субъектов и приобретает субъектную форму социальная реальность» [34, с. 100]. Для осуществления такого анализа необходимо с опорой на разнообразные исторические источники предварительно выявить выраженность основных признаков религиозности личности. К данным признакам обычно относят: веру человека в религиозные догматы и иные положения вероучения; его конфессиональную самоидентификацию, отождествление себя с некоей религиозной общиной, а также своих интересов с интересами религиозного коллектива; позитивное

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-04-00157.

отношение к религиозным ценностям и нормам, следование им; участие в жизни и деятельности церковных организаций, отправление религиозных обрядов, а также заинтересованность в таинствах, следование ритуальным предписаниям и каноническим установлениям [22, с. 1101—1103]. Этими признаками и выражаются основные структурные компоненты религиозности — когнитивный, эмоциональный (аффективный), идентификационный, нормативно-ценностный и поведенческий. В свою очередь они вбирают в себя важнейшие элементы духовного состояния и социального поведения верующего: силу его религиозной идентичности и силу веры, меру воцерковленности и частоту участия в службах и ритуалах, принятие религиозных ценностей, объем специальных религиозных знаний и т. д. Понимая, что прямая корреляция между образом жизни (социальным поведением) человека и степенью его религиозности проявляется далеко не всегда, ибо «комплекс субъективных и объективных факторов, влияющих на содержание, способы и формы активности человека, содержит, кроме религии, множество других составляющих» [33, с. 226], попытаемся все же найти те биографические данные о Л. Караваке, которые позволят охарактеризовать его религиозный облик.

Будущий гофмалер российского двора родился в 1684 г. в Марселе в семье потомственного скульптора и декоратора гасконского происхождения Жана-Батиста Каравака. О религиозности этой семьи какие-либо данные отсутствуют, однако укорененность Караваков в католической традиции не подлежит сомнению. Луи Каравак, некоторое время проработавший в столице Франции, 13 ноября 1715 г. заключил с поверенным Петра I в Париже Ж. Лефортом контракт и был принят на русскую службу. Документ гласит: «Помянутой господин Каравак обязуется ехать в Санкт-Петербург и работать в службе царского величества три года в живописи на масле для гисторических картин, паркетов, баталей, лесов, деревьев и цветов, зверей, так в больших, как в малых размерах, так же в самой малой суптельной живописи» [40, л. 3 об.; ср.: 41, л. 19 об.]. Условия контракта оказались весьма привлекательными для выходца из третьего сословия, еще недавно расписывавшего галеры в марсельском порту: Караваку назначалось годовое жалованье в размере 500 руб., предоставлялась в пользование служебная квартира, а сверх того предполагалось платить непосредственно за выполненные от двора заказы [40, л. 1].

Живописец прибыл в Санкт-Петербург 24 марта 1716 г. в составе первой, пока еще малочисленной, группы мастеров из Франции — вместе со знаменитым скульптором и архитектором Бартоломео Карло Растрелли, литейщиком Антуаном Левалье, резчиком Жаком Лебланом и архитектурным гезелем Жаком Лежандром [41, л. 1—2 об.]. Наряду с ними, пользуясь дарованной Петром I свободой вероисповедания, художник сразу включился в жизнь местного католического общества.

К моменту прибытия Каравака в Санкт-Петербург в этом городе уже существовал небольшой католический приход, объединявший людей самых

разных национальностей. Еще в 1710 г. иждивением инженера и архитектора Доминико Трезини в Греческой слободе был построен деревянный приходской костел, который в равной степени посещали немцы, итальянцы, французы, поляки, венгры, голландцы, сербы, армяне и представители иных народов, исповедовавшие католичество [13, с. 129—130]. Самую многочисленную группу петербургских католиков составляли немцы, но «папешское общество» активно пополнялось итальянцами, французами и поляками, так что внутри прихода они быстро сформировали свои национальные общины с особыми старостами (синдиками). Католикам, как и другим неправославным христианам, запрещалось иметь в городе более одной церкви, поэтому разные национальные группы верующих были вынуждены сосуществовать вместе в течение всего XVIII столетия. Французская католическая община Петербурга уже к концу царствования Петра I по своей численности и влиянию на социокультурные процессы в новой столице стала вторым религиозным объединением «латинян» после общины немецкой [16, с. 148—160]. Живописец Л. Каравак был одним из самых известных ее представителей в XVIII в.

Французская община как автономное церковное объединение католиков стала оформляться в 1716—1717 гг. в связи с контрактацией царским правительством большого числа французских мастеровых (свыше 130 человек), составивших население особой Французской слободы на Васильевском острове¹. Б.-К. Растрелли и Л. Каравак, как прибывшие в Санкт-Петербург раньше и к тому же близкие ко двору люди, сразу же стали ее старостами и попечителями². В 1717 г. французы собирались по вечерам в квартире у Каравака и «гобеленового мастера» Ф. Бегаля, что свидетельствует об их значимости и авторитете [42, л. 96 об.]. Можно предположить, что Каравак принял на себя церковные обязанности не по призванию, а по необходимости: живописец занял прочное положение при дворе и ему, естественно, предстояло стать защитником интересов простых ремесленников (столяров, чулочников, «позументчиков» и проч.), составлявших большую часть общины французов. В 1718 г. «французских мастеровых людей» передали в ведение Канцелярии от строений, и Каравак тоже был записан в ее штат, однако художник не подчинялся распоряжениям канцелярского начальства и при случае мог быть полезен для французских ремесленников как независимый арбитр при решении их проблем — бытовых и служебных [36, с. 79—81]. Очевидно, что в качестве церковного старосты Каравак, по сравнению с Растрелли и некоторыми другими членами общины (например, резчиком и скульптором Н. Пино), зани-

¹ См. перечень французских «механиков и художников», прибывших в 1716 г. вместе с Ж.-Б. Лебланом, а также «Генеральный реестр персоналам, которые отъезжают в Санкт-Петербург», датированный 28 сентября 1717 г. и включающий в себя 117 выходцев из Франции [41, л. 19—19 об.; 42, л. 1—5; 43, л. 1—11 об.].

² Этому способствовало и высокое социальное положение Б.-К. Растрелли и Л. Каравака: первый был графом, получившим титул от папы, а второй — французским нотаблем [25, с. 91].

мал менее активную позицию, однако он числится среди тех «старост и мирских людей», чьим иждивением в начале 1720-х гг. была реконструирована и оснащена всем необходимым католическая церковь Греческой слободы¹.

Сразу отметим, что художник проявил себя на церковном поприще лишь в самом начале развития петербургского католического прихода: по видимому, церковная деятельность сама по себе не занимала его и мало соответствовала его привычкам и образу жизни. Во всяком случае, имея в распоряжении немало материалов, иллюстрирующих повседневность петербургских католиков в первой половине XVIII в. и подробно освещающих церковно-распорядительную работу ряда старост (Д. Трезини, М. Змаевича, того же Б.-К. Растрелли), обнаружить какие-либо сведения об участии Каравака в жизни прихода в 1730-е гг. или в более поздний период не удалось. Живописец отсутствует в списке церковных старост уже в 1729 г. [53, с. 350]. Не находим его имени и среди «*capi della communita*», т.е. «главных людей общины», подписавших благодарственное письмо в Конгрегацию пропаганды веры в 1735 г. в связи с назначением префектом петербургской миссии о. Карло де Лука [53, с. 378]. От французских прихожан среди старост в это время значится лишь «оправщик драгоценностей» Шарль-Николя Доом.

Активному участию Каравака в жизни прихода и его работе в церковном совете мешали не только предполагаемые особенности религиозного сознания художника, но и конфликты, возникавшие в отношениях с единоверцами. Живописец очень быстро потерял доверие со стороны соотечественников-католиков. На репутацию Каравака-синдика негативно повлияла его позиция, занятая в ходе небезызвестной борьбы капуцинов и францисканцев-реформатов за право управления петербургской миссией. Конфликт между разными ветвями ордена св. Франциска разгорелся в первой половине 1720-х гг. и расколол латинский приход на две враждующие партии². В подавляющем своем большинстве французы поддерживали францисканцев во главе с патером Яковом Деолегио (Джакомо Доледжио), суперитором «в Ингерманландской, Лифляндской и околичных провинциях» [3, л. 7]. Французы отдавали предпочтение францисканцам, поскольку их собственный священник о. Пьер Кайо, прибывший в Россию летом 1717 г. вместе с основной партией французских рабочих для их «духовного окормления», принадлежал к этой ветви ордена [43, л. 2, 9 об.]. Францисканцам противились сторонники капуцинов — о. Патриция Медиоланского, а потом о. Аполлинария фон Вебера [14, с. 6—9]. Каравак поначалу поддерживал францисканцев, но затем изменил взгляд на них [5, л. 1 об.—5 об.]. После того как Святейший Синод вынес решение в пользу Деолегио и его товарищей,

¹ См. челобитные на высочайшее имя старост и мирян от 18 сентября 1723 г. и 24 сентября 1724 г. [5, л. 1 об.; 44, л. 13—14].

² Суть конфликта подробно рассмотрена в ряде публикаций [32, с. 68—76; 49]. Конфликт отражен в документах [1, л. 2—4; 2, л. 2—3; 3, л. 7, 54; 4, л. 2; 6, л. 4 об.; 7, л. 4 об.; 10, л. 18—30, 30 об.—31; 11, л. 24; 12, л. 1 об.].

капуцины решили отстаивать свои интересы, обратившись за помощью к французскому полномочному министру Ж. Кампредону. Последний выступил ревностным защитником патера Аполлинария и прав капуцинов. Каравак же, в свою очередь, «имелся под протекцией французского министра» и даже заключал контракты с русским правительством только «с позволения» Кампредона [21, с. 330]. Он не мог пойти против своего высокого покровителя, а потому откровенно пренебрег интересами французской общины, которые вообще-то должен был защищать. Кроме того, у Каравака и о. Пьера Кайо были натянутые отношения, возникшие в ходе их личного столкновения еще весной 1720 г., когда художник женился на сестре резчика-декоратора Бартеlemi Симона Маргарите Гийом-Симон³. Живописного мастера с об Маргаритой венчал капуцин Патриций в костеле Греческой слободы, а должен был венчать, по мнению французов, «сир Кайо» в специальной французской капелле, располагавшейся на Васильевском острове. Патеру Кайо и некоторым французам-католикам это показалось обидным, поэтому 24 апреля 1720 г., после воскресной мессы, в василеостровской капелле кюре разразился по адресу Каравака грозной филиппикой, закончив ее следующими словами: «властию, Богом мне данною, я отлучаю его (т. е. Каравака — *ред.*) от церкви и объявляю его лишенным пасхального причащения, а также объявляю уничтоженным брак его с девицею Симон, запрещаю им супружеское сожитие, а всем моим прихожанам священнической моею властью запрещаю признавать сказанного Каравака супругом сказанной девицы Симон, а названную девицу Симон его супругою» [25, с. 92]. Конфликт удалось решить с помощью французского консула Анри де Лави, и отлучение было признано недействительным, но Каравак и Кайо остались врагами.

Вот почему в марте 1725 г., когда прихожане-французы подали на высочайшее имя прошение о том, чтобы их священнику «Кайлоту» было позволено служить мессу в костеле Греческой слободы попеременно с немцами и поляками, Каравак не участвовал в этом деле и не подписывал соответствующие ходатайства [44, л. 64—72 об.]. Французы считали, что немцы притесняют их, и хотели добиться равных возможностей в удовлетворении своих религиозных потребностей. Художник не оказал никакой помощи соотечественникам в их стремлении иметь «собственную девицию» — даже наоборот, будучи конфидентом министра «его христианнейшего величества» Кампредона и участвуя в его интриге, Каравак способствовал упадку конфессиональной жизни французов. Раздраженный победой Деолегио и других францисканцев, Кампредон счел необходимым воспользоваться поступившими ему сведениями о дурных поступках патера Кайо. Летом 1725 г. полномочный министр обвинил Кайо в «дебоширствах, драках, богохульствах и дерзких речах» [8, л. 3; 29, с. 411] и, несмотря на отзывы французов о благопристойности их священника [9, л. 1], настоял на его высылке из России. Надо по-

³ О родственных связях Каравака с Б. Симоном и Н. Пино см. [18, с. 126].

лагать, что сведения о предосудительном поведении священника, полученные Кампредоном, исходили от придворного живописца, на которого Кайо продолжал нападать. После высылки патера автономная французская «каплица» на Васильевском острове прекратила свое существование, а католики французской нации были вынуждены посещать службы в костеле, где верховодили немцы [14, с. 9]. Все это дискредитировало Каравака в глазах членов общины и лишило его прежнего авторитета.

Сам Каравак считал себя верующим христианином, соблюдающим все необходимые условия для спасения души. По его собственному свидетельству, по воскресеньям он имел обыкновение ходить «между девятью и десятью часами утра во французскую капеллу на Васильевском острове для слушания там божественной службы» [25, с. 91]. Живописец жил недалеко от капеллы, был влиятельным обитателем Французской слободы и не мог полностью пренебрегать духовными интересами земляков. В реестре «французам-иноземцам, которые имеют квартиры в новопостроенных домах на Васильевском острове», составленном во второй половине 1717 г., сказано, что Каравак проживал во второй линии в доме № 4 и при нем постоянно находились ученик, слуга и служанка. Соседями Каравака были резчики-декораторы Н. Пино (вторая линия, дом № 2), Б. Симон (№ 3) и Н. Перар (№ 5) со своими семьями [41, л. 30 об.]. Существует предположение, что французская капелла могла располагаться в доме Пино [28, с. 27]. Вообще Каравак жил по соседству с капеллой не один год — источник гласит, что 18 июля 1722 г. художнику был отдан в собственность «двор с деревянным строением, что на Васильевском острове во Французской улице, в котором он жил» [48, с. 493].

Тем не менее подозревать в Караваке большую силу религиозной веры или сколько-нибудь значимую интенсивность эмоциональных переживаний, связанных с верой в Бога, не дает отсутствие положительных сведений о фактах реализации этой веры непосредственно в поведении художника. Скорее наоборот, имеющиеся данные говорят о его слабой заинтересованности в таинствах и отсутствии стремления к безусловному соблюдению религиозных норм. Например, тот же монах П. Кайо в 1720 г. обвинял Каравака в распространении вредного влияния среди прихожан, а именно в насаждении легкомысленного отношения к таинствам, отмечая, что художник своими действиями (по-видимому, организацией живописных, декоративных или иных работ) «отвлекал прихожан от говения и причащения» [25, с. 91]. Насколько был прав монах-францисканец в оценке религиозности Каравака, судить сложно, но совсем отмахнуться от этого свидетельства мешает ряд обстоятельств церковной биографии художника. К сожалению, в нашем распоряжении нет поименных списков причастников или регулярно прибегавших к таинству исповеди, однако кое-что могут поведать метрические записи о крещениях детей у петербургских католиков. Из них становится ясно, что живописец крайне редко выступал участником таинства крещения в качестве восприемника. Сохранившиеся метрические книги за 1710—1740 гг.

и 1746—1778 гг. показывают, что почти за все время своего пребывания в Санкт-Петербурге (в течение 33 лет из 38 прожитых в этом городе) Каравак лишь однажды стал крестным. Причем художник, выступая восприемником, имел свой личный интерес, поскольку крестил ребенка в той семье, в которую сам вскоре намеревался войти: 18 октября 1719 г. он стал крестным отцом для дочери Никола Пино Иоганны Людовики (Жанны-Луизы) [50, л. 10]. В качестве крестной матери выступила Маргарита Симон, сестра Бартеlemi Симона, будущая жена Каравака, которая новокрещенной приходилась теткой (Н. Пино был женат на ее родной сестре Марианне, урожденной Гийом-Симон [18, с. 124]). С семейством Симон Каравак, по-видимому, имел тесные связи еще на родине [18, с. 130]¹. Поэтому участие художника в крестинах у Пино вполне понятно и закономерно. Вызывает удивление то, что больше Каравака в крестные не приглашали, т. е. живописец практически был отстранен от конфессиональной жизни прихода. Обычно уважаемые и благочестивые прихожане костела выступали в роли крестных для широкого круга единомышленников и даже для представителей иных вероисповеданий — их часто просили стать восприемниками своих детей не только родственники и близкие друзья, но и многочисленные сослуживцы, а также соседи и просто знакомые. Например, не менее 10 раз становился крестным отцом Д. Трезини (в это число не включаем случаи его кумовства с протестантами) [50, л. 2 об.—32 об.]. Католики охотно приглашали быть крестными всех без исключения представителей семьи Трезини — дочь архитектора Доминико Марию Томазину, зодчих Карла Джузеппе и Пьетро Антонио Трезини [50, л. 28 об.—65 об.; 51, л. 10 об.—13 об.]. Абсолютным рекордсменом у петербургских католиков по части восприятия крещеных младенцев из купели можно считать генуэзского купца Джузеппе Мариотти, долгое время также исполнявшего обязанности церковного старосты, — в период с 1716 по 1738 г. он 35 раз становился крестным отцом [50, л. 6—58]. Часто в этой роли выступали купцы Бернард Лецано, Марк Лаврентий Баени и многие другие члены прихода. Каравак же фактически ни с кем не состоял в родственно-духовных отношениях. Вероятно, он не воспринимался соотечественниками и единомышленниками в качестве человека, способного хорошо позаботиться о духовном и материальном благополучии, а также благочестии своих крестных детей. При этом «мадам Каравак», жена художника, кроме крещения упомянутой дочери Пино, в течение 1733—1738 гг. становилась крестной матерью для детей петербургских католиков еще пять раз. Имена этих людей позволяют определить круг общения семьи живописца: 7 ноября 1733 г. Маргарита Каравак крестила сына купца Марка Баени Иоганна Людовика, 18 января 1737 г. — дочь армянина Афанасия Артемисери Марию Маргариту, 7 сентября того же года — дочь флорентинца Теси Марию Маргариту, 23 января 1738 г. — сына

¹ Метрики петербургского костела, кстати, упоминают еще одного Симона — Жана, капитан-командора на русских триремах, происходившего «из Марселя в Галлии» [50, л. 17—17 об.].

француза Пьера Леклерка Петра Николая, а 4 октября 1738 г. — дочь некоего Фридриха Шварца из Вильно Маргариту [50, л. 43 об., 58 об., 59, 60 об., 63]. Ясно, что из всех французов Караваки поддерживали тесные отношения с семьей литейщика Франсуа-Паскаля Вассу, компаньоном которого и являлся П. Леклерк. Дочь Вассу Жанна состояла замужем за Баени. Вассу и Баени часто упоминаются в церковной книге. В отличие от них придворный живописец редко посещал костел, за исключением воскресных и праздничных дней.

Обратим внимание и на то, что многие из известных петербургских католиков, занимая более или менее видные должности в канцеляриях, на флоте и при дворе, помимо регулярного посещения публичного костела, для удовлетворения собственных религиозных нужд содержали еще и священников в своих домах. Речь идет о Д. Трезини, Б.-К. Растрелли, Н. Пино, М. Змаевиче [15, с. 139]. Каравак, несмотря на частые сетования на нехватку жалования, имел к тому все материальные возможности¹, однако предпочитал обходиться без «домашнего» кюре.

Исследование отношений Каравака с другими членами общины не может обойтись без попыток реконструкции социально-психологического облика живописца. Что за человек был Каравак, какими личностными качествами он обладал? К сожалению, в литературе мы не найдем более или менее развернутого ответа на данный вопрос. Между тем отсутствие представлений о социально-психологическом облике мастера существенно ограничивает возможности анализа его произведений. Впрочем, источники лишь немного способны прояснить в этом плане.

Академик Я. Штелин, лично знавший живописца, писал: «Каравак — француз, а именно гасконец, как по рождению, так по привычкам и манерам» [30, с. 45]. Указание мемуариста на гасконский характер означает, что художник представлялся Штелину хвастливым, самолюбивым, гордым человеком². На это недвусмысленно и намекает Штелин, отмечая, что когда императрица Анна пожаловала живописцу чин полковника, «насколько гасконец чванился этим, настолько он вновь опустил крылья в эпоху Елизаветы Петровны» [30, с. 47]. Автор «Записок об изящных искусствах» не скрывает своего пренебрежительного отношения и к личности Каравака, и к его работам, отмечая, что этот малоталантливый и несимпатичный ему художник сделал карьеру лишь благодаря протекции и связям при

аннинском дворе, близости к бироновской клике, а также отсутствию в российской столице более выдающихся живописцев. Прощения Каравака выдают правоту Штелина. В годы правления императрицы Елизаветы, когда при русском дворе раскрыли себя одаренные мастера Г.-Х. Гроот, Дж. Валериани, А. Перезинотти, Б. Тарсиа, с которыми Караваку все сложнее было конкурировать, последний ревниво подписывался в челобитных: «двора Вашего Императорского Величества первой живописец» [40, л. 26]. И это в то самое время, когда официальными указами было признано, что Каравак не вполне профессионален. Так, в марте 1744 г. императрица указала Караваку, что на ее портрете, написанном художником, «правая рука написана очень дебела и особливо в запястье, и дабы впредь на протчих Ея Величества портретах, кои ему повелено писать, в том <была бы> предосторожность, чтоб одна против другой <рука> препорцию имела» [40, л. 40]. Каравак трусливо переложил вину на своего ученика И. Я. Вишнякова, который якобы тот портрет копировал, но не справился с заданием [40, л. 40—41].

Развитию карьеры Каравака, очевидно, весьма способствовала его жена, общительная особа, не чуждавшаяся придворных интриг. Маргарита Каравак находилась в доверительных отношениях с Елизаветой Петровной, когда та еще была великой княжной, и сохранила близкие отношения с «дщерицею Петровой» в годы ее правления. Супруги Каравак участвовали в миссии тайных агентов французского принца Луи-Франсуа де Конти, пожелавшего жениться на Елизавете Петровне. Принц в марте 1741 г. прислал в Петербург своего эмиссара г-на Дефона, который должен был заручиться согласием Елизаветы на брак. Дефон «через г-жу Каравак, жену придворного живописца, нашел возможность говорить с принцессою Елизаветою и сообщить ей, что от нее зависит выйти замуж за принца де Конти» [35, с. 239—240]. Елизавете идея брака понравилась, но когда она узнала, что Дефон официально не имеет полномочий вести такие переговоры, то испугалась интриги и прекратила связь с ним. В дальнейшем в разговоре с французским послом Ж.-И. де ла Шетарди Елизавета Петровна отрицала, что ей известно что-либо о сватовстве Конти, а о жене художника заметила: «действительно, эта женщина иногда бывает у меня, но она никогда не имела случая делать подобные предложения», «и тем менее я буду слушать предложения Каравак» [35, с. 330—331]. На самом деле Караваки были настолько близки с великой княжной, что могли позволить себе вторгаться в ее интимный мир. Муж и жена Каравак как-то шутивно заметили Елизавете: «как досадно, что такая красавица не выходит замуж». На это Елизавета Петровна тоже якобы в шутку ответила, что «ея время уже прошло, и девице, достигшей 32 лет, не пристало думать еще о замужестве» [35, с. 365].

Миссия Дефона провалилась, однако принц де Конти не оставил своего намерения и отправил в Россию другое доверенное лицо — г-на д'Авена, который в начале октября 1741 г. неоднократно встречался с Луи и Маргаритой Каравак по вопросам предполагаемого брака. Вся эта история высвечивает некоторые черты характера живописца, который

¹ В 1724 г. с Караваком был заключен новый контракт, условия которого предусматривали повышение живописцу годового оклада до 1000 руб. и предоставление бесплатной служебной квартиры. Кроме того, контракт имел приписку: «и дана ему команда и управление над всякою живописною работою, и притом обязался показывать науку свою четырем человекам ученикам через два года в Питербурхе, а доканчивать в Париже, за что положено ему по 400 руб. за каждого человека» [40, л. 15]. В 1730 г. условия контракта были пересмотрены в сторону увеличения жалования до 1500 руб. в год [40, л. 15]. Со временем Каравак стал «самым высокооплачиваемым художником своего времени» [28, с. 113].

² Во французском языке слово «gascop» («гасконец») еще в XVII в. помимо прямого приобрело переносный смысл и стало означать «хвастливый» [24, с. 196].

наряду с супругой выступал в роли сводника. Очень быстро осознав, что они могут быть обвинены в государственной измене, Караваки проявили слабость и малодушие. Шетарди так описывает одну их встречу с д'Авенем: «В последовавших затем разговорах они выказали столько же слабости, сколько и страха наказания, что доказывала бледность их лиц» [35, с. 364]. На какое-то время д'Авен сумел их успокоить, и Караваки пообещали вновь переговорить с Елизаветой Петровной, однако всячески оттягивали это. В итоге Шетарди окончательно уверился в небольших умственных способностях художника и его жены: «Ожидание, в котором они оставляли его (д'Авена — ред.) долгое время, несмотря на все понуждения их, только доказало больше страх, которым они были поражены, и их глупость, о которой я знал верно, что она их делала неспособными вести подобного рода дело» [35, с. 365]. Таким образом, со слов Шетарди Каравак предстает трусоватым и глуповатым человеком, берущемся за щекотливое дело, требующее особого политеса, которое ему, однако, не по плечу. Все эти предполагаемые качества — хвастливость, заносчивость и малодушие, не способствовали росту доверия к Караваку со стороны сослуживцев и прихожан костела. Никогда эти качества не числились среди христианских добродетелей. Живописец, по мнению того же Штелина, прибыл в Россию добывать деньги и оставил после своей смерти вдову «отною не в бедности» [30, с. 47]. «Мадам Каравак» по смерти мужа получала от двора пенсию в 1000 руб. [30, с. 45] и вскоре покинула Россию — уже в 1756 г. ее следы обнаруживаются в Данциге [45, с. 703].

Отмеченные выше факты позволяют сделать некоторые выводы о степени религиозности Каравака, ее характере и направленности. Живописец определенно считал себя верующим человеком и осознавал себя органической частью национальной религиозной общины, а потому должен был сознательно принимать те религиозные ценности, которые определяют суть римско-католического вероисповедания. Объем и качество специальных знаний о Священном Писании, католическом культе, догматах, праздниках, символах у Каравака как человека грамотного и к тому же профессионального живописца, постоянно обращающегося к мифологическим и религиозным сюжетам, были более чем достаточными для осознанной и планомерной организации собственной конфессиональной жизни. Однако большую заинтересованность в обрядовой стороне религии художник не проявлял, его активное участие в ритуалах и выполнении всех предписаний церкви в источниках не отражены и остаются под вопросом. Участие же в деятельности «католического общества» в Санкт-Петербурге, членом которого Каравак оставался до самой смерти, последовавшей 9 июня 1754 г. [38, с. 40], объективно следует признать недостаточным для воцерковленного человека с высоким социальным статусом. Особенно принимая во внимание серьезные предпосылки для занятий церковными делами, а именно исполнение Караваком ряда социальных ролей — церковного старосты, старейшего жителя Французской слободы Васильевского острова, начальника над француз-

скими ремесленниками. В годы правления Анны Иоанновны, при посредничестве Бирона, Каравак получил звание придворного живописца и полковничий чин, «которым непомерно гордился» [47, с. 145]. Он имел возможность выезжать во Францию, в Париж и Марсель, и служить связующим звеном для многих петербургских французов с их родиной¹. Кому как не ему, полковнику, предстояло участвовать в управлении приходскими делами? Однако он предпочел остаться в стороне от этих дел.

Таким образом, при всей выраженности когнитивного и идентификационного компонентов религиозности Каравака, а также относительно хорошо фиксируемой нормативно-ценностной ее составляющей, поведенческий компонент религиозности оказывается у художника проявленным намного слабее. На этом основании к убежденным верующим (глубоковерующим) христианам отнести Каравака мы не можем. Характер религиозности живописца, определяемый как внешний, поверхностный, почти исключая возможность сильного эмоционального потрясения от богослужения, таинств, культа, подразумевающий господство мирского над сакральным, представляется вполне соответствующим духу XVIII столетия. В случае с Караваком, который формально исповедовал свою религию, продолжал находиться в религиозном общении с другими католиками, но слабо реализовывал веру в поведении, мы имеем дело с плодами обмирщения европейской культуры. Религиозность Каравака хорошо выражает суть секуляризационных процессов, свойственных европейской цивилизации, когда «новые явления в культуре, политике, экономике, искусстве зачастую были связаны не с прямым натиском неверия, а с трансформациями внутри самой религии, в которой постепенно нарастал вес мирской компоненты» [23, с. 106].

Направленность религиозности Каравака, рассуждая в категориях ряда американских психологов и в первую очередь Г. В. Оллпорта [37, с. 179—183], вероятно, тоже можно охарактеризовать как внешнюю, поскольку есть основания утверждать, что ценность религии и ее смысл художник обретал не в ней самой, а в ее функциональной полезности для себя. Вся совокупность известных на сегодняшний день биографических данных о Караваке при всем желании не дает возможности представить живописца в качестве цельной моральной личности, свойства которой определялись бы преимущественно религией. Каравак явно не принадлежал к ядру церкви, несмотря на то что был видным (с точки зрения социального положения) прихожанином и какое-то время даже старостой. Скорее его можно отнести к маргинальным членам религиозного сообщества, стремящимся «поддерживать номинальное членство (в общине — ред.) или получать выгоды от социальных контактов» [37, с. 179]. В то же время Каравак не покидал сообщество и не становился, по примеру

¹ В ведомости прихода и расхода денежных средств М. И. Воронцова за 1753 г. в расходах значатся суммы, отпущенные для «покупки разной провизии в Марселе чрез г-на Каравака». См.: Бумаги государственного канцлера графа Михаила Ларионовича Воронцова. 1744—1758 [19, с. 37].

некоторых петербургских католиков, православным, хотя это сулило художнику еще большие социальные выгоды и открывало перспективу стать крупным управленцем в разных сферах — «городовой» (строительной), научной и даже церковной. Художник предпочел остаться французом и католиком, т.е. сохранить свою национальную и конфессиональную идентичность.

Очевидно, что Караваку была присуща религиозность смешанного типа, вобравшая в себя черты как традиционной (передающейся в виде культурного опыта от поколения к поколению, тесно связанной с национальной самоидентификацией), так и социальной (подразумевающей приверженность к одобряемым большинством религиозным нормам). Однако религиозность живописца не была «духовной», т.е. не означала большую потребность в религиозном общении, выраженное стремление жить интересами Церкви и чувствовать ее мистическое единство, находясь не только в общении с единоверцами, но и в духовном родстве. Подобная религиозность с элементами формализма, знаменующая собой усиление светского начала в культуре, в эпоху Петра Великого часто вызывала у русских людей непонимание и отторжение, причем не только у ревнителей старины. Недаром известный публицист, один из ранних адептов идей меркантилизма в нашей стране, И. Т. Посошков обозначал религиозность западноевропейцев (католиков и протестантов) как исполненную «сведского мудрования», позволяющую им сочетать не сочетаемые с точки зрения православного ортодокса вещи — исполнение христианского долга с «танцами веселостными», проведением времени «в скакании и танцовании», маскарадами и светскими раутами [39, с. 2, 40; 17, с. 27]. Каравак был одним из тех, кто способствовал укоренению такого «мудрования» в России всей своей жизнью, и в первую очередь своим творчеством. Каким образом черты религиозности Каравака проявились в созданных им художественных произведениях, должно показать дальнейшее исследование.

Литература и источники

1. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1720 г.). Д. 1.
2. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1720 г.). Д. 2.
3. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1720 г.). Д. 4.
4. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 1.
5. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2.
6. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 3.
7. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 5.
8. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1725 г.). Д. 1.
9. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1726 г.). Д. 1.
10. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1760 г.). Д. 1.
11. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1760 г.). Д. 2.
12. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/2. Д. 2.
13. Андреев, А. Н. Доминико Трезини — староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге / А. Н. Андреев // *Российская история*. — 2014. — № 4. — С. 126—138.
14. Андреев, А. Н. Духовенство Римско-католической церкви в Греческой слободе Санкт-Петербурга / А. Н. Андреев // *Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки*. — Т. 14. — 2014. — № 4. — С. 6—14.
15. Андреев, А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. / А. Н. Андреев. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. — 393 с.

16. Андреев, А. Н. Католический приход Петербурга в XVIII в. / А. Н. Андреев // *Вопросы истории*. — 2014. — № 10. — С. 148—160.

17. Андреев, А. Н. Западнохристианское «зверие» во взглядах И.Т. Посошкова / А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева // *XVIII век*. — Сб. 26. — СПб. : Наука, 2011. — С. 20—35.

18. Антонов, В. В. Б. Симон — помощник Пино / В. В. Антонов // *От Средневековья к Новому времени: материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX в.* / под ред. Т. В. Алексеевой. — М. : Наука, 1984. — С. 124—130.

19. Архив князя Воронцова. — Кн. 33. — М. : Унив. тип., 1887. — 480, 40 с.

20. Василюк, Ф. Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования) / Ф. Е. Василюк. — М. : Смысл, 2005. — 191 с.

21. Веретенников, В. И. «Придворный первый моляр» Л. Каравак / В. И. Веретенников // *Старые годы*. — 1908. — № 6 (Июнь). — С. 323—332.

22. Ворожейкина, Л. И. Анализ типов религиозной Я-концепции / Л. И. Ворожейкина // *Фундаментальные исследования*. — 2014. — № 9. — С. 1101—1108.

23. Гура, В. А. Секуляризация в исторических судьбах Европы / В. А. Гура // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. — Т. 2. — 2012. — № 2. — С. 105—112.

24. Депретто, К. Гасконец или хвостун: о переводе одного из набросков предисловия к «Борису Годунову» / К. Депретто // *Временник Пушкинской комиссии*. — 2013. — № 31. — С. 194—204.

25. Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. // Сб. РИО. — Т. 40. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. — 498, LXXXII с.

26. Евангулова, О. С. Живопись / О. С. Евангулова // *Очерки русской культуры XVIII в.* / под ред. академика Б. А. Рыбакова. — Ч. 4. — М. : Изд-во МГУ, 1990. — С. 111—151.

27. Евангулова, О. С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. Проблемы становления художественных принципов Нового времени / О. С. Евангулова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 296 с.

28. Жерихина, Е. И. Французский мир Санкт-Петербурга / Е. И. Жерихина. — СПб. : Росток, 2015. — 608 с.

29. Записка французского посла де-Кампредона с просьбой о высылке из России француза монаха францисканского ордена Калио // Толстой, Д. А. Римский католицизм в России. — Т. 1. — СПб. : Изд. тип. В. Ф. Демакова, 1876. — С. 411 (Прилож. 10).

30. Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / состав., пер. с нем., вступ. ст., предисл. и примеч. К. В. Малиновского. — Т. 1. — М. : Искусство, 1990. — 448 с.

31. Калязина, Н. В. Русское искусство Петровской эпохи / Н. В. Калязина, Г. Н. Комелова. — Л. : Художник РСФСР, 1990. — 269 с.

32. Кузнецов, Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии / Н. Д. Кузнецов // *Временник Демидовского юридического лицея*. — Ярославль : Типолитография Э. Г. Фальк, 1898. — Кн. 75. — С. 65—104.

33. Лобазова, О. Ф. Детерминанты и типы религиозности / О. Ф. Лобазова // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. — 2009. — № 11. — С. 226—229.

34. Лобазова, О. Ф. Экспликация понятия «религиозность»: традиционный и инновационный подходы / О. Ф. Лобазова // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. — 2009. — № 1. — С. 94—101.

35. Маркиз де-ла Шетарди в России 1740—1742 гг. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге с примечаниями и дополнениями П. Пекарского. — СПб. : Тип. Огризко, 1868. — XXII, 638 с.
36. Молева, Н. М. Живописных дел мастера: канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVIII в. / Н. М. Молева, Э. М. Белютин. — М. : Искусство, 1965. — 336 с.
37. Оллпорт Г. В. Личность в психологии / Гордон В. Оллпорт ; пер. с англ. И. Ю. Авидон. — М. ; СПб. : Ювента, 1998. — 345 с.
38. Портрет Петровского времени: каталог выставки / сост. М. А. Алексеева; Гос. Третьяковская галерея; Гос. Русский музей. — Л. : Художник РСФСР, 1973. — 282 с.: ил.
39. Посошков, И. Т. Завещание отеческое к сыну / И. Т. Посошков. — М. : Изд. А. Попова, 1873. — 247 с.
40. РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 266.
41. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1716 г.). Д. 1.
42. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1716 г.). Д. 3.
43. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1 (1717 г.). Д. 16.
44. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540.
45. Собко, Н. П. Еще несколько дополнительных сведений о живописце Людовике Караваке / Н. П. Собко // Исторический вестник. — 1882. — Т. 8. — № 6. — С. 703—704.
46. Собко, Н. П. Несколько дополнительных сведений о живописце Людовике Караваке / Н. П. Собко // Исторический вестник. — 1882. — Т. 8. — № 5. — С. 479—480.
47. Собко, Н. П. Французские художники в России в XVIII веке. Живописец Людовик Каравак (1716—1752) / Н. П. Собко // Исторический вестник. — 1882. — Т. 8. — № 4. — С. 138—148.
48. Указы, письма и бумаги Петра Великого // Сб. РИО. — Т. 11. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1873. — 690, 59 с.
49. Фатеев, М. М. Участие светской власти в разрешении конфликтов в петербургской католической общине в XVIII в. / М. М. Фатеев. — URL: <http://www.catherine.spb.ru/index.php/comments/parish-civill-auth> (Дата обращения: 08.07. 2013 г.).
50. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31.
51. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 1.
52. Bryan, M. Bryan's dictionary of painters and engravers / Michael Bryan. — Vol. 1. — London : G. Bell and Sons, 1918. — XII, 364 p.
53. Reinhold, J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18. Jahrhundert (Fortsetzung) / J. Reinhold, O. F. M. // Archivum Franciscanum Historicum. — Rome, 1961. — Vol. 54. — S. 329—402.

Поступила в редакцию 25 мая 2017 г.

АНДРЕЕВА Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры», Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия). E-mail: iulyand@yandex.ru

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 3, pp. 15—24**

DOI: 10.14529/ssh170302

CATHOLIC LOUIS CARAVAQUE: TO THE QUESTION ABOUT RELIGIOSITY OF THE PAINTER OF THE ROCOCO

Yu. S. Andreeva, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, iulyand@yandex.ru

The article examines the religious parameters of personality and the church biography of the painter Louis Caravaque, one of the most famous artists of Rossica in the 18-th century. For solving the problem of reconstruction of Caravaque's religious image the author uses the method of complex analysis of the structural components of religiosity. Thus the religiosity is treated as a system of the person's active relations with society. On the basis of many archival sources the article analyzes the relationships of Caravaque with the Petersburg Roman Catholic parish, defines characteristics of his social and psychological traits, and introduces a new biographical data. The author concludes that Caravaque had shown no interest in church rites. The religiosity of this man demonstrates the expressed cognitive component and identification component; however this religiosity contains almost no behavioral part. The characteristic of Caravaque's religiosity in the article is defined as formal and shallow. It virtually eliminates the possibility of strong emotional experience of liturgy and mysteries. Such religiosity implies domination of the secular over the sacred. The author believes that Caravaque's religiosity expresses the essence of secularizing processes inherent in European civilization. Also she raises the question of the role played by the painter with his religion in the secularization of Russian culture in the 18-th century.

Keywords: Louis Caravaque, Catholics in Russia, art of the 18-th century, religion in art, secularization of art and culture.

References

1. Arkhiv vneshej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian empire (further — AFPRE)]. F. 10. Op. 10/1 (1720 year). File 1.
2. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1720 year). F. 2.
3. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1720 year). F. 4.
4. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1724 year). F. 1.
5. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1724 year). F. 2.
6. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1724 year). F. 3.
7. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1724 year). F. 5.
8. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1725 year). F. 1.
9. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1726 year). F. 1.
10. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1760 year). F. 1.
11. AFPRE. F. 10. Op. 10/1 (1760 year). F. 2.
12. AFPRE. F. 10. Op. 10/2. F. 2.
13. Andreev A.N. Dominico Trezzini — starosta rimsko-katolicheskogo prihoda v Sankt-Peterburge [Domenico Trezzini, a churchwarden of the Roman Catholic parish in Saint-Petersburg]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2014, № 4, pp. 126—138.
14. Andreev A.N. Duhovenstvo Rimsko-katolicheskij tserkvi v Grecheskoj slobode Sankt-Peterburga [The priesthood of Roman Catholic church in the «Greek township» of St.-Petersburg]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki» [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"]*, 2014, vol. 14, № 4, pp. 6—14.
15. Andreev A.N. Katolicizm i obshhestvo v Rossii 18 veka [The Catholicism and society in Russia in the 18-th century]. — Chelyabinsk, 2007, 393 p.
16. Andreev A.N. Katolicheskij prihod Peterburga v XVIII veke [Catholic parish of Petersburg in the 18-th century]. *Voprosy istorii [Questions of history]*, 2014, № 10, pp. 148—160.
17. Andreev A.N., Andreeva Y.S. Zapadnohristianskoe “zloverie” vo vzgljadah I.T. Pososhkova [West-Christian “heresy” in I.T. Pososhkov's opinion]. *XVIII vek [XVIII century]*, Issue 26, St.-Petersburg, 2011, pp. 20—35.
18. Antonov V.V. B. Simon — pomoshhnik Pino [B. Simon, an assistant of Pineau]. *Ot Srednevekov'ja k novomu Vremeni. Materialy i issledovanija po russkomu iskusstvu XVIII — pervoj poloviny XIX veka [From Middle Ages to the Modern times]*. Moscow, 1984, pp. 124—130.
19. Arhiv knjazja Vorontsova [The archive of Prince Vorontsov]. Moscow, 1887, Book 33, 480, 40 p.
20. Vasilyuk F.E. Perezhivanie i molitva (opyt obshhepsihologicheskogo issledovaniya) [Feeling and prayer (The experience of General psychological research)]. Moscow, 2005, 191 p.
21. Veretennikov V.I. “Pridvornyj pervyj malyar” L. Karavak [“The first court painter” L. Caravaque]. *Starye gody [The old years]*, 1908, № 6, pp. 323—332.
22. Vorozheykina L.I. Analiz tipov religioznoj Ya-kontseptsii [Analysis of the religious self-concept components]. *Fundamental'nye issledovanija [Fundamental researches]*, 2014, № 9, pp. 1101—1108.
23. Gura V.A. Sekulyarizaciya v istoricheskij sud'bah Evropy [Secularization in the historical destinies of Europe]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State university of A.S. Pushkin]*, 2012, vol. 2, № 2, pp. 105—112.
24. Depretteau C. Gaskonets ili hvastun: o perevode odnogo iz nabroskov predisloviya k “Borisu Godunovu” [Gascon or braggart: about the translation of one draft of preface to “Boris Godunov”]. *Vremennik Pushkinskoj komissii [Annals of the Pushkin Commission]*, 2013, № 31, pp. 194—204.
25. Doneseniya frantsuzskogo konsula v Peterburge Lavi i polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s 1719 po 1722 g. [Reports of the French Consul in St.-Petersburg La Vie and the Minister Plenipotentiary at the Russian court Campredon from 1719 to 1722]. *Sbornik RIO [The Miscellany of Russian Historical Society]*, 1884, vol. 40, 498, LXXXII p.
26. Evangulova O.S. Zhivopis' [Pictorial art]. *Ocherki russkoj kul'tury XVIII v. [Essays on Russian culture of 18-th century]*, Moscow, 1990, part 4, pp. 111—151.
27. Evangulova O.S. Izobrazitel'noe iskusstvo v Rossii pervoj chetverti XVIII v. Problemy stanovleniya hudozhestvennyh printsipov Novogo vremeni [Fine art in Russia in the first quarter of the 18-th century. The problems formation of art principles in early Modern]. — Moscow, 1987, 296 p.
28. Zherikhina E.I. Frantsuzskij mir Sankt-Peterburga [The French world of Saint-Petersburg]. — St.-Petersburg, 2015, 608 p.
29. Zapiska frantsuzskogo posla de Kampredona s pros'boju o vysylke iz Rossii frantsuza monaha frantsiskanskogo ordena Kalio [A note of French ambassador de Campredon with the request for deportation from Russia the French monk of Franciscan Order Calio]. In *Tolstoj, D. A. Rimskij katolitsizm v Rossii [Roman Catholicism in Russia]*. St.-Petersburg, 1876, p. 411.
30. Zapiski Jakoba Shtelina ob izyashhnyh iskusstvah v Rossii [Jacob Staehlin's Notes about the fine arts in Russia]. — Moscow, 1999, vol. 1, 448 p.
31. Kalyazina N.V., Komelova G.N. Russkoye iskusstvo Petrovskoy epohi [Russian art of Petrine epoch]. — Leningrad, 1990, 269 p.
32. Kuznetsov N.D. Upravlenie delami inostrannyh ispovedanij v Rossii v ego istoricheskom razvitii [The control over affairs of foreign confessions in Russia in its historical development] *Vremennik Demidovskogo juridicheskogo litseja [Bulletin of the Demidov's juridical lyceum]*. Yaroslavl: Tipolitografiya E.G. Valk, 1898, Vol. 75, pp. 65—104.
33. Lobazova O.F. Determinanty i tipy religioznosti [Determinants and types of religiosity]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Proceedings of Russian State Social University]*, 2009, № 11, pp. 226—229.
34. Lobazova O.F. Eksplikaciya ponyatiya “religioznost’”: tradicionnyj i innovacionnyj podhody [Explication of the concept “religiosity”: traditional and innovative approaches]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Proceedings of Russian State Social University]*, 2009, № 1, pp. 94—101.
35. Markiz de-la Shtardi v Rossii 1740—1742 gg. Perevod rukopisnyh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge s primechanijami i dopolnjenijami P. Pekarskogo [Marquis de la Chetardie in Russia 1740—1742. Translation of handwritten dispatches of the French Embassy in Petersburg]. — St.-Petersburg, 1868, XXII, 638 p.

36. Moleva N.M., Belyutin E.M. Zhivopisnyh del mastera: kancelyariya ot stroenij i russkaya zhivopis' pervoy poloviny XVIII v. [Painting masters: the Office of buildings and Russian pictorial art of the first half of 18-th century]. — Moscow, 1965, 336 p.
37. Allport Gordon W. Lichnost' v psihologii [The person in psychology]. — Moscow—St.-Petersburg, 1998, 345 p.
38. Portret Petrovskogo vremeni: katalog vystavki [Portrait of Peter's epoch: exhibition catalogue]. — Leningrad, 1973, 282 p.: il.
39. Pososhkov I.T. Zaveshhanie otecheskoe k synu [Testament fatherly to son]. — Moscow, 1873, 247 p.
40. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts (further — RSAAA)]. F. 17. Op. 1. File 266.
41. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1716 year). F. 1.
42. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1716 year). F. 3.
43. RSAAA. F. 150. Op. 1 (1717 year). F.16.
44. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F. 796. Op. 4. File 540.
45. Sobko N.P. Eshche neskol'ko dopolnitel'nyh svedenij o zhivopisce Lyudovike Karavake [And again some additional information about the painter Louis Caravaque], *Istoricheskij vestnik [Historical bulletin]*, vol. 8, 1882, № 6, pp. 703—704.
46. Sobko N.P. Neskol'ko dopolnitel'nyh svedenij o zhivopisce Lyudovike Karavake [Some additional information about the painter Louis Caravaque], *Istoricheskij vestnik [Historical bulletin]*, vol. 8, 1882, № 5, pp. 479—480.
47. Sobko N.P. Frantsuzskie hudozhniki v Rossii v XVIII veke. Zhivopisets Lyudovik Karavak [French artists in Russia in the 18-th century. The painter Louis Caravaque], *Istoricheskij vestnik [Historical bulletin]*, vol. 8, 1882, № 4, pp. 138—148.
48. Ukazy, pis'ma i bumagi Petra Velikogo [Decrees, letters and papers of Peter the Great]. *Sbornik RIO [The Miscellany of Russian Historical Society]*, 1873, vol. 11, 690, 59 p.
49. Fateev M.M. Uchastie svetskoj vlasti v razreshenii konfliktov v peterburgskoj katolicheskoj obshhine v 18 veke [Participation of the secular authority in the resolution of conflicts in the Petersburg Catholic community in the 18-th century] URL: <http://www.catherine.spb.ru/index.php/comments/parish-civill-auth> (date of the address: 08.07. 2013).
50. Central'nyi gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of St.-Petersburg (further — CSHA SPb.)]. F. 347. Op. 1. File 31.
51. CSHA SPb. F. 347. Op. 2. F. 1.
52. Bryan, M. Bryan's dictionary of painters and engravers / Michael Bryan. — Vol. 1. — London: G. Bell and Sons, 1918. — XII, 364 p.
53. Reinhold J., O.F.M. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18. Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. — Rome, 1961. — Vol. 54. — S. 329—402.

Received May 25, 2017